

Товарищ почтальон

Тольяттинка Галина Гаврилова разносила на фронте письма и воевала рядом с будущим генсеком Леонидом Брежневым

Фото Юрия Наваринского

ПРОШАГАВШАЯ от Кубани до Праги ветеран Великой Отечественной Галина Гаврилова пусть и не участвовала в боевых действиях, но тоже была на передовой. И профессия ее во многом не уступает другим армейским специальностям: Галина Леонидовна работала военным почтальоном.

— **Галина Леонидовна, где вы встретили войну?**

— В Евпатории. Вообще, родом я из Забайкалья, из Читы. В Евпаторию мы переехали после смерти мамы. Жили у дяди-летчика. Знаете, запомнилось не столько само объявление войны, сколько последующие события. Какое-то время спустя (сейчас уж точно не вспомню) мы с девушками увидели в небе самолет. Одна из нас сказала: «Высоко наш «сокол» забрался». Думали, это русский самолет. А этот «сокол» спикировал и начал по всем, кто внизу, стрелять. Сразу после этого случая нас эвакуировали в Краснодарский край, в станицу Брыньковская. Оттуда я и попала на фронт.

— **Сколько вам было лет?**

— Девятнадцать. Отец у меня был начальником почты. Я работала на телеграфе, когда в наушниках услышала о том, что требуются добровольцы. Звонили в стансовет. И я вмешалась в разговор. Говорю: «А меня записать може-

те?» Они спрашивают: «А вы, простите, кто?» Я объяснила, что работаю телеграфисткой. А стансовет и почта были рядом, в одном дворе. Мне говорят: «Ладно, приходите завтра — посмотрим, брать вас или не брать». Я пришла. Отправили нас в Кубань уже через неделю. Помню, сели мы на телегу. Где-то гармошка играла. Некоторые из провожавших даже плакали.

— **Вас сразу направили на фронт?**

— Нет, вначале я попала на курсы младших приемщиков полевой почты. Так как отец у меня был почтовик (а с отцом у меня отношения были, скажем так, сложные), то я сразу возмущилась: никогда не буду работать на почте. И отказалась. Отправляйте, говорю, меня на передовую. И настояла на своем: попала почтовым работником в 103-ю отдельную курсантскую стрелковую бригаду, затем — в 81-ю морскую стрелковую бригаду. Мы высаживались десантом на остров Малая Земля. Был сентябрь. Ночь. Темно. Ни огонька. Когда рассаживались по катерам, на соседнем кто-то играл «Раскинулось море широко». А я сидела и плакала. Страшно было. Когда высаживались, прыгали с катера. Глубина — где-то по пояс. А орудия (пулеметы и прочее) вывозили на ишаках. Недавно вот где-то нашла фотографию — вереница ос-

ликов, груженных оружием, выходит из воды. Помню, что очень холодно было. Никакого дополнительного обмундирования ведь не выдавали. Надо было торопиться, потому что приближался рассвет. Немцы могли нас заметить и начать обстрел. Берег был обрывистый, мы ползли в гору. Потом забрались в свою землянку и там немного погрелись. Не успели отогреться — началась артподготовка. Забили со всех орудий. Самолеты, катюши стреляют. Я помню хорошо, как вышла из землянки и увидела Брежнева (да-да, Леонида Ильича) и других офицеров. Брежнев тогда был в 18-й армии начальником политотдела. Я подошла к кому-то из них, спросила: «Что случилось?» Мне кто-то ответил: «Артобстрел».

Потом пошли по обстрелянной катюшами территории. Никогда не забуду эту жуткую картину: как перебирались через окопы, как увидели внутри немцев. Точнее, то, что от них осталось. В большинстве случаев это были только половины туловища.

— **Раз уж вы видели будущего генсека, расскажите поподробнее, что он за человек был.**

— Сразу хочу сказать: зря из Брежнева в фильмах какого-то дурака делают. По моим впечатлениям, это был очень умный человек. И очень заботливый. Помню вот какой случай: прислали к нам двух молодых связисток. Они сидят. Видно, никого еще не знают, по сторонам оглядываются. Брежнев, проходя мимо, спросил: «Вас, девушки, на довольствие еще не поставили?» Они ответили: «Нет». Брежнев тогда подошел к солдатам и укорил их: «Ребята, разве вам не стыдно? Девушки голодные сидят. Покормили бы хоть». Ну, солдаты, разумеется, поделились своими пайками.

— **Куда вас направили после Малой Земли?**

— На Украину. Когда стояли в Душаковке, меня во время бомбежки ранили. Если быть честной, то это наше руководство тогда недоглядело. Вначале налетели самолеты. Спихватились только, когда к деревне уже подошли танки. Мы начали отступать. Побросали все: документы, технику. Шинели за пояс заткнули — и бежим по полю. А немец по нам — из пулемета. Мы прятались за стога сена, только что от них толку! Да и никакого прикрытия не было. Отступили, наверное, километров на пятнадцать. Во время отступления мне в голову и попал осколок. Помню, хозяйка какого-то дома кинула полотенце. Я им голову перевязала, а солдаты мне кричат: зачем ты нас демаскируешь? Я так, с повязкой, и побежала в одну из хат, где остались документы, потому что там помимо документов лежала фотография моей мамы покойной. А под утро завязались сильные бои. Наши отбили атаку.

— **После ранения вам какое-нибудь увольнение давали?** ▶ стр. 3

Товарищ почтальон

Тольяттинка Галина Гаврилова разносила на фронте письма и воевала рядом с будущим генсеком Леонидом Брежневым

«стр. 1 — Да какое увольнение? Голову перевязали, потом в медсанбате вытащили осколок из брови. Ладно, из брови-то можно. Уже после, при другой бомбежке одному полковнику осколок попал прямо в сердце. Он как стоял, так и упал замертво. Я это лично видела. Вообще, бомбежек я очень боялась. Когда «мессера» («мессершмиты» — немецкие бомбардировщики) летели, у меня душа в пятки уходила. Потому что вначале они бомбили, а потом бегущих расстреливали из пулеметов.

— **Долго вы проработали на почте?**

— До января 44-го. Тогда я у подружки научилась печатать на машинке. Чуть позже меня направили в 6-ю Танковую армию, 3 девятый гвардейский механизированный корпус. Там я и работала машинисткой при штабе. Правда, приходилось всем понемножку заниматься. Иногда и раненых перебинтовывать.

— **Расскажите, как вы встретили День Победы.**

— В этот день мы въехали в Прагу на мотоциклах. Ночью — только-только все легли спать — по громкой связи объявили о капитуляции Германии. Ну, уснуть в ту ночь, конечно, не получилось. Все палили в воздух. Страшный грохот стоял. Так шумно было, что я в комнате заперлась и сидела там. Все никак не могла поверить в то, что действительно война закончилась. А вообще, в Чехословакию попали через Венгрию, Румынию.

— **Что больше всего вам запомнилось в этих странах?**

— Природа. А еще помню, как чуть не упала с танка. Дело было так: я поехала ремонтировать обувь. Села на «попутный» танк. Вообще, на танках я очень любила ездить: это тогда был единственный вид транспорта, в котором не трясло. Сидела я на броне. И тут, видимо, мы проехали по какой-то выбоине. Меня кинуло вперед. Слава богу, солдат, который рядом сидел, вовремя меня подхватил, иначе меня в лепешку бы раздавило. Такой страх пережила — на всю жизнь запомнила. И больше на танке не ездила.

— **А с местным населением вам пообщаться довелось?**

— Да, но в основном на Украине. Мы отдавали много продуктов детям. А вообще, местное население, конечно, радовалось, когда у них в домах останавливались девушки, а не солдаты. Девушки аккуратные. А у солдат портянки пахнут.

— **В чем конкретно заключалась ваша работа как почтальона?**

— Если в какую-то часть приходили письма, я брала их и шла в расположение. Надо было каждый раз надевать каску, а я этого не делала. Прятала ее. Потом коллега выдала, и меня поругали. Вначале в расположение доставля-

ли на машине. Если начинался минометный обстрел, я спрыгивала с машины и дальше добиралась пешком: где-то шла, где-то добиралась по-пластунски. Когда добиралась до передовой, солдаты там все время просили: «Сестричка, ты нам побольше газет приноси — на самокрутки». Я выглядела очень молодо, поэтому все думали, что мне пятнадцать-шестнадцать лет и спрашивали: «Вы, наверное, дочь полка?» Когда хотели узнать, сколько мне лет, я говорила: «Много».

Общаясь Николай Седов